

УДК 81

Латышев П.В.

Московский государственный областной университет

ВЕРБАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО, СОЗНАТЕЛЬНОГО И НАДСОЗНАТЕЛЬНОГО В ЛИЧНОСТИ*

P. Latishev

Moscow State Regional University

VERBAL DESCRIPTION OF THE PERSONALITY SUBCONSCIOUS, CONSCIOUS AND SUPERCONSCIOUS

Аннотация. Статья посвящена вербальной характеристике бессознательного, сознательного и надсознательного в личности в единстве лингвистического, психолингвистического и психологического аспектов. Автор анализирует особенности вербальной характеристики сознания в связи с характером личности, её убеждениями, отношениями к другим людям, а также с её деятельностью в мирное и военное время. В статье описано семантическое поле бессознательного, сознательного и надсознательного в личности.

Ключевые слова: лингвистика, психолингвистика, произведения, художественная литература, бессознательное, сознательное, надсознательное, личность, семантическое поле.

Abstract. The article is dedicated to the personality subconscious, conscious and superconscious in the interconnection of the linguistic, psycholinguistic and psychological aspects. The author analyzes the peculiarities of the consciousness verbal description in the interconnection with the personality character, attitude towards other people, the activities in the peaceful time and the time of war. The semantic field of the personality subconscious, conscious and superconscious is described in the article.

Key words: linguistics, psycholinguistics, fiction, semantic field, consciousness, superconscious, conscious, subconscious.

Как известно, сознательная часть человеческого поведения связана с волей и сознанием [2]. Однако каждому известно, что наши решения и события не всегда осознаваемы и состоят из нашего опыта и воспоминания. Часто человек оказывается в промежутке между сознательной и бессознательной частью своего разума.

Когда человек грезит наяву, он отвлекается от реальной жизни, и лишь резкий звук или обращение к нему могут «вернуть» его к реальности. З. Фрейдом описаны такие промежуточные состояния, к которым он относил заболевания, оговорки, описки и прочие «слабости памяти», на самом деле являющиеся неосознаваемыми формами психической деятельности. Поэтому З. Фрейдом описаны различные, в том числе и топографические, модели психической жизни. Таковыми инстанциями он считал: «Я» (эго), «оно» (ид, или подсознание) и «сверх-Я» (супер-Эго, или надсознание).

Однако лишь категории материалистической философии определяют понимание сущности сознания в прямой зависимости от решения вопроса о взаимоотношениях духа и природы, материи и сознания.

Признание первичности идеального ведёт к превращению сознания в самостоятельную сущность, творящую мир. Такой подход выражен в период античности в философии Платона, в Средневековье – в христианской философии (носителем высшего сознания является Бог), в немецкой классической философии – во взглядах Гегеля. Непосредственной основой сознания является трудовая деятельность человека, сознание неотделимо от труда и возникает в процессе труда [4], поэтому современное определение сознания может быть сформулировано следующим образом: «Сознанием обозначается человеческая способность идеального воспроизведения действительности» [6, 285].

* © Латышев П.В.

В дальнейшем неоднократно фрейдовская топографическая модель усовершенствовалась и дополнялась его учениками. Например, К.Г. Юнг содержание индивидуального сознания дополнял коллективным *бессознательным*, вместо «сказочных» психоаналитических аспектов появились первичные архетипы, заимствованные из социокультурной практики человека. А. Адлер считал, что в развитии личности необходимо стимулировать индивидуальность, сохраняя общность людей и ориентируясь на каждого члена коллектива. Специальный механизм развития личности он называл *компенсацией*, которая приводит к нейтрализации комплекса неполноценности, а *сверхкомпенсация* изменяет стиль поведения личности, оптимизируя её деятельность [1].

Современный нейробиолог, академик П.В. Симонов считает целесообразным классифицировать неосознанные психические явления на три категории:

- подсознательные механизмы;
- бессознательные механизмы;
- надсознательные механизмы (сверхсознательные механизмы) [10, 149-159].

Отдавая бессознательному механизму психики решающую роль, преувеличивая значение сексуальных инстинктов, психоанализ генерализовал трёхслойность психики на всю психологическую общественную жизнь человека. Универсализация психодинамических механизмов личности привела З. Фрейда к последующей замене топографической модели на энергетическую модель личности с заменой терминов понятия «Я», «Сверх-Я» и «Оно». «Сверх-Я» обозначает цензуру сознания и общественную мораль, а «Оно» – область подсознания, где господствуют агрессивные и сексуальные инстинкты, которые пытаются навязать «Я» свою активность и овладеть сознанием. Тогда пробуждается совесть «Сверх-Я», что может проявляться комплексами, и «Я», пытаясь удалить импульсивные влечения, старается нейтрализовать комплексы, например, комплекс вины и другие. В полной мере личности это не удаётся, в связи с чем появляются, по Фрейду, скользкие пути к удовольствию, в частности, проявляется сублимация в художественном творчестве, сновидениях, оговорах, описках, островах и т. п.

Таким образом, механизм искусства понимается психоанализом как своего рода «заместительные образования», в которых первичные влечения и эмоции путём сублимации («выгонки») находят частичное удовлетворение в замаскированной символической форме.

По этой же энергетической модели личности бессознательное находит в образах искусства приемлемые для «цензуры сознания» символические формы проявления либидинозных тенденций. Объективная реальность в акте творчества понимается З. Фрейдом как негативная сила, а художественное творчество, возникающее в результате сублимации, характеризуется как возвышение или переключение от либидо в иные социально-культурные сферы личности, что трактуется как замещение и социальный *экстрацентризм* [13].

Касаясь проблемы бессознательного, Ф.Б. Березин [4] высказал предположение, что изучение связи между сознаваемыми и неосознаваемыми аспектами человеческой деятельности может проводиться с помощью методов интрапсихической интеграции, которые выявляют характер и особенности механизмов поведения личности и ранжированы по десятибалльной системе (тревога, депрессия, ипохондрия, истерия, психопатия).

Анализ научной литературы по психологии сознания и бессознательного позволяет сделать следующие выводы:

1. Поведение человека находится под контролем сознания, которое планирует и оценивает человеческие действия и поступки.

2. Однако, кроме личностных, сознательных мотивов, на человека действуют неосознаваемые психические явления в виде сновидений, оговорок, описок, острова и других «тайн психической жизни».

3. Согласно топографической модели Фрейда, психическая жизнь человека складывается из подсознания, сознания и сверхсознания. Центром психической деятельности человека является сознание, над которым находится сфера оценки контроля и «цензуры» личности, осуществляемой обществом.

4. Ученик Фрейда К.Г. Юнг, создатель аналитической психологии, пришёл к выводу о том, что психологическая структура личности состоит из следующих компонентов: 1) инди-

видуальное бессознательное, 2) коллективное бессознательное, 3) сознание. Если индивидуальное бессознательное является чисто личностным образованием, то коллективное бессознательное включает «память поколений» и состоит из архетипов, являющихся формами, канонизированными психологическим опытом индивида. Например, понятие и образ матери породили лозунг во время Отечественной войны: «Родина-мать зовёт».

5. Выдающимся учеником З. Фрейда был А. Адлер [1], представлявший личность как целостное образование, воспитывающий чувство общности с коллективом, а также направленность и стиль жизни человека, стимулирующие личностный рост и преодолевающие комплекс неполноценности [1].

6. Впервые П.В. Симонов [10], рассматривая мотивационную сферу творчества личности, выделил в ней доминантную потребность по аналогии с понятием К.С. Станиславского «сверхзадача», утвердив обязательное разделение личности на три подструктуры: 1) *сознательная подструктура*, 2) *бессознательная подструктура*, 3) *надсознательная подструктура*.

Эти три подструктуры были в полном соответствии с оптимизирующей ролью сверхсознания в прогрессивном творческом развитии личности с установкой на самоактуализацию, определяя гуманистическую миссию психологии и психолингвистики как научных междисциплинарных направлений.

Рассмотрим, как раскрываются вербально-личностные характеристики в семантическом поле бессознательного, сознательного и надсознательного. Ввиду ограниченности объёма статьи приведём наиболее частотные семантические подразделения и конституирующие их языковые единицы.

Мы обратились к семантическим полям, так как языковые единицы хранятся в гностических зонах мозга в форме семантических полей [8; 16].

Для более глубокой и всесторонней характеристики, более детальной, чем *сема* или *концепт*, мы обратились к понятию «семантический гештальткомплекс» [3]. «Семантический личностный гештальткомплекс – сложная личностная особенность, входящая в состав личностных подструктур и их детерминантов, вер-

бально характеризующая совокупностью тесно взаимосвязанных семантических компонентов, представляющих единый монолит» [3, 3].

В исследуемом семантическом поле имеются семантические домены (области исследования): семантический домен бессознательного, семантический домен сознательного и семантический домен надсознательного.

Семантический домен бессознательного включает следующие гештальткомплексы:

1) Гештальткомплекс *индивидуального бессознательного*: оговорки, обмолвки, например: – *blow off the gaff* – *проболтаться, расстрепать* [7, 303];

– *What the heart thinks the tongue speaks* – *Что на душе, то и на языке* [7, 307].

Состояние аффекта, паники связано с проявлением гнева, ужаса, страха: *Like a cat on hot bricks* = *как на иголках*, досл.: «как кошка на раскаленных кирпичках».

2) Гештальткомплекс, характеризующий *коллективное бессознательное*: *follow smb like sheep* – *следовать за кем-либо, как стадо баранов, слепо следовать за кем-либо* [7, 674].

3) Гештальткомплекс *надсознательного*: – наличие интуиции: *Come into (enter) one's head* [7, 366];

– вдохновение: *sacred fire (flame)* – *священный, божественный огонь* = *искра божия* (о творческом даре, вдохновении) [7, 652].

4) Гештальткомплекс *нарушения сознания* (обморок, лунализм, кома):

– *Off one's head* (также – преимущ. амер. – *out of one's head*) – *сошедший с ума, безумный* [7, 370];

– *Wander in one's mind* [7, 507].

5) Семантический гештальткомплекс *сознательного* характеризует волевой, интеллектуальный и эмоциональный контроль, оценивает поведение личности:

– волевой контроль: *give of one's best* – *сделать всё возможное* [7, 78]; *be on the alert* – *быть начеку, настороже* [7, 37];

– эмоциональный контроль: *control (keep или hold) one's temper* – *сдерживаться, владеть собой, проявлять выдержку, оставаться спокойным* [7, 748];

– интеллектуальный контроль: *talk (good) sense* – *говорить разумно, дельно, рассуждать здраво* [7, 668].

Очень часто сознательный волевой, интеллектуальный и эмоциональный контроль характеризуются пословицами:

– *Constant dropping wears the stone* = Капля по капле камень долбит;

– *Life is great if you don't weaken* = Жизнь прекрасна, если человек не падает духом.

Проанализируем особенности вербальной характеристики бессознательного, сознательного и надсознательного в художественной литературе на материале гениального произведения Л.Н. Толстого «Война и мир» [11].

В соответствии с научными исследованиями ряда авторов, участвовавших в Международном симпозиуме «Бессознательное» (1985 г.), были обсуждены и определены составляющие психических процессов, исходящие из учения Д.Н. Узнадзе. Ряд симпозиумов, проведённых под руководством А.С. Прангишвили, показал участие как бессознательного психического, так и психической сферы личности.

Л.Н. Толстой анализирует эти взаимосвязанные компоненты в образе своих героев Пьера Безухова и Андрея Болконского.

Так, например, в образе Пьера Л.Н. Толстой описывает рефлексию, которую Пьер называет безумием, а затем впоследствии определяет как умную мысль. Вот, например, рассуждения Л. Толстого по поводу воспоминаний Пьера:

«Пьер часто вспоминал это время счастливого безумия. Все суждения, которые он составил себе о людях и обстоятельствах за этот период времени, остались для него навсегда верными. Он не только не отрекся впоследствии от этих взглядов на людей и вещи, но, напротив, во внутренних сомнениях и «противоречиях», прибегал к тому взгляду, который он имел в это время безумия, и взгляд этот всегда оказывался верен.

«Может быть, – думал он, – я и казался тогда странен и смешон; но и тогда я не был так безумен, как казалось, напротив, я был тогда умнее, чем когда-либо и понимал все, что стоит понимать в жизни, потому что... я был счастлив» [11, 717].

Безумие Пьера состояло в том, что он не дожидаясь, как прежде, личных причин, которые он называл достоинствами людей, для того чтобы любить их, а любовь переполняла его сердце, и он, беспричинно любя людей, нахо-

дил несомненные причины, за которые стоило любить их» [11, 718].

Л. Толстой распутывает «безумие» Пьера, которое оказалось затем умным рассуждением. Именно оценка Л. Толстым бессознательной сферы личности, в которой происходит рефлексия Пьера, глубоко раскрывает образ героя. Очень верно Л. Толстой описывает смену состояний безумия и счастья, перемену состояний сознания и бессознательного. Точно также состояния счастья и рефлексии переоцениваются, точно так же Пьер, приходя в себя, оценивает это состояние иным образом.

Только наблюдательный психолог, каким был Л.Н. Толстой, в состоянии Пьера различал два состояния, меняющиеся во времени.

Таким образом, бессознательная сфера, прослеживаемая Л.Н. Толстым, не осознаётся персонажем, вследствие чего Пьер потом видит всё «наизнанку», оценивает всё наоборот, как будто находится в сновидении. Неоднократно сам З. Фрейд сравнивал бессознательную сферу со сновидениями, затем психоаналитически расшифровывая их. Точно так же Лев Толстой дважды «переворачивал» картину высказываний Пьера, чтобы реалистически описать тонкую психологию [15, 137].

Болконский тоже рассматривался Л.Н. Толстым с позиции измененного состояния сознания.

Если у Пьера достаточно было прочитать наоборот подсознательную сферу героя во время его рефлексии, то Андрей Болконский также испытал элементы счастья, но находился в другом измененном состоянии сознания – наивысшем состоянии сверхсознания. Здесь нужен был гений Л. Толстого, который с достойным психологическим реализмом описал душевное состояние Андрея следующим образом:

«Душа князя Андрея была не в нормальном состоянии в этом отношении. Все силы его души были деятельнее, яснее, чем когда-нибудь, но они действовали вне его воли. Самые разнообразные мысли и представления одновременно владели им.

Иногда мысль его вдруг начинала работать, и с такой силой, ясностью и глубиной, с какой она не могла в силах действовать в здоровом состоянии. Но вдруг, посередине своей работы, она обрывалась, изменялась каким-нибудь

неожиданным представлением, и не было сил возвратиться к ней» [11, 440].

Далее Толстой переходит к причинам и описанию счастья «в условиях» сверхсознания: «Да, мне открылось новое счастье, неотъемлемое от человека, – думал он, лежа в полутемной избе и глядя вперед лихорадочно раскрытыми остановившимися глазами» [11, 440].

Здесь совершается логическая остановка. Л.Н. Толстой описывает новое состояние, связанное со звуками «питии-питы». Эти звуки разбудили в герое поток сверхсознания, он чувствовал (хотя это и тяжело ему было), что ему надо было старательно держать равновесие при звуках равномерно шепчущей музыки. Андрей повторил про себя, что музыка продолжается и «тянется, тянется». Кроме звуков он увидел что-то белое в просвете дверей. Эти галлюцинаторные образы разбудили сверхсознание: начался его собственный монолог о любви.

«Да, любовь (думал он опять с совершенной ясностью), но не та любовь, которая любит за что-нибудь, для чего-нибудь или почему-нибудь, но та любовь, которую я испытал в первый раз, когда, умирая, я увидел своего врага и все-таки полюбил его. Я испытал то чувство любви, которая есть самая сущность души и для которой не нужно предмета. Я и теперь испытываю это блаженное чувство. Любить ближних, любить врагов своих. Все любить – любить Бога во всех проявлениях. Любить человека дорогого можно человеческой любовью; но только врага можно любить любовью божеской» [11, 441].

Здесь Толстой выступает не как бытописатель, а как психолог с огромным пониманием не только состояния сознания и рядоположенных психических процессов, а как целостный *гештальт-психолог* с вариантами открытия сферы измененного состояния сознания. Прикладные психотехнические приемы, используемые сегодня для создания особых состояний сознания [5; 9], были предвосхищены в интуитивном прозрении Л. Толстого, в его писательском опыте и в раскрытии образов героев.

Очень правдиво и образно Толстой Л.Н. раскрывает особенности сознательного и бессознательного в военное время в «Севастопольских рассказах».

Ещё до того, как Н.И. Пирогов апробировал обезболивающее средство на раненом, Л. Толстой наблюдал ужасы войны в «настоящем ее выражении». Он так описывает операции:

«Теперь, если нервы ваши крепки, пройдите в дверь налево: в той комнате делают перевязки и операции. Вы увидите там докторов с окровавленными по локти руками и бледными угрюмыми физиономиями, занятых около койки, на которой с открытыми глазами и говоря, как в бреду, бессмысленные, иногда простые и трогательные слова, лежит раненый. Доктора заняты отвратительным, но благодетельным делом ампутации. Вы увидите, как острый кривой нож входит в белое здоровое тело, увидите, как с ужасным раздирающим криком и проклятиями раненый вдруг приходит в чувство; увидите, как фельдшер бросает в угол отрезанную руку; увидите, как на носилках лежит, в той же комнате, другой раненый и, глядя на операцию товарища, корчится и стонет, не столько от физической боли, сколько от моральных страданий ожидания, – увидите ужасные, потрясающие душу зрелища, увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе с музыкой и барабанным боем, с развивающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении – в крови, в страданиях, смерти...» [12, 45].

Рисую реалистические картины, Л. Толстой пишет, что, выходя из этого дома страданий, «и вы непременно испытаете отрадное чувство, полнее вдохнете в себя свежий воздух, почувствуете удовольствие в сознании своего здоровья, но вместе с тем в созерцании этих страданий почерпнете сознание своего ничтожества и спокойно, без нерешимости пойдете далее, на бастионы...» [12, 45].

Несмотря на описание операционных действий, Л.Н. Толстой, однако, не переходит на позиции натурализма: раненый стонет «не столько от физической боли, сколько от моральных страданий ожидания». Писатель замечает психологическую основу страданий, зависящих больше от морально-психологических факторов, чем от физических воздействий ножа:

«Что значит смерть и страдание такого ничтожного червя, как я, в сравнении со столькими смертями и столькими страданиями? Но вид чистого неба, блестящего солнца, красиво-

го города, отворенной церкви и движущегося по разным направлениям военного людского скорого приведет ваш дух в нормальное состояние легкомыслия, маленьких забот и увлечения одним настоящим» [12, 45].

Мы начинаем понимать, что писатель, отвлекаясь от натурализма описываемого, противопоставляет его «натурализму» действительности («кровь, страдания, смерть»), включается в описание отрадных чувств, здоровья, сознания спокойствия и решимости пойти дальше. Писатель словно нейтрализует ужасы войны легкомыслием, увлечением текущей жизнью и наблюдением церковных мажоран и траурных процессий, переключающих читателя к реальной жизни. Это одна из граней психологического реализма великого писателя-психолога, блестяще вербально представленная в его творчестве. Описывая границу между жизнью и смертью (наблюдательный читатель составит представление об игре этих сознательных и бессознательных реалий), писатель рисует нам прощальные обращения солдат друг к другу, которые, чтобы смягчить ужасы войны, приговаривают трогательные слова: «Простите, братцы!». Затем писатель обращается к конкретным реалиям, ведя за собой читателя на «героический четвертый бастион» или спускаясь в трактиры, чтобы выпить вместе водки «мадеру».

Л. Толстой не только писатель, но и профессиональный психолог, который, описывая личностные особенности воинов, находит слова для их успокоения, компенсации и даже удовлетворения честолюбия, которое отнюдь не тщеславный поиск повышения в чине:

«Тысячи людских самолюбий успело оскорбиться, тысячи успели удовлетвориться, надуться, тысячи – успокоиться в объятиях смерти. Сколько звездочек надето, сколько снято, сколько Анн, Владимиров, сколько розовых гробов и полотняных покровов! А все те же звуки раздаются с бастионов, все так же – с невольным трепетом и суеверным страхом смотрят в ясный вечер французы из своего лагеря, на желтоватую открытую землю Севастополя» [12, 54].

Патриотический порыв писателя выявляется не только в звучном и «зычном» крике «Ура!», подхваченном вслед за генералом Кор-

ниловым, но и в лирико-поэтическом отступлении Л.Н. Толстого, «печалующегося» об оставленном Севастополе:

«Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился. Но за этим чувством было другое, тяжелое, сосущее и более глубокое чувство: это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам» [12, 159].

Основные особенности «Севастопольских рассказов».

1. Опыт военного писателя проявился у Толстого во время его пребывания в Севастополе. Все «Севастопольские рассказы» Л. Толстой называл одним словом – «Повесть», – так как считал, что они связаны общим сюжетом о войне и общей идеей – «люди военного времени». Здесь пригодился огромный писательский и психологический опыт Л.Н. Толстого, хотя в то время он ещё не был «сложившимся» великим писателем. Однако, назвав свою повесть *правдивой*, Л.Н. Толстой считал, что главным героем повести «Севастопольские рассказы» является правда. Правдивость изложения сочетается с тщательностью описания действующих лиц, которых он называл поимённо.

2. Если участник Севастопольского сражения великий хирург Н.И. Пирогов считал эту войну «травматической эпидемией», то Л. Толстой сконцентрировался не на общем выражении войны, а на описании индивидуальных историй с индивидуальными людьми на войне.

3. Л.Н. Толстой создал типологию людей на войне, выделяя покорных, начальствующих и отчаянных. А затем разделил их на подгруппы. Это облегчило осуществление ухода за ранеными во время Севастопольской войны.

4. Несмотря на ужасы войны, Л.Н. Толстой пытался объективизировать трудности и способы их преодоления личностями разного типа.

5. Особой заслугой Л.Н. Толстого является описание силы духа русского человека, его христианской покорности, его крестьянской находчивости, оптимизма, юмора.

6. Описание людей на войне, начатое Л. Толстым в «Севастопольских рассказах», получило

продолжение у его учеников и последователей в писательской среде современников (как, например, «Книга про бойца» А.Т. Твардовского), как и традиции лиричного юмора и жизнелюбия, которые сделали выдающегося писателя А.Т. Твардовского классиком современного военного жанра.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Когито-центр, 1995. 321 с.
2. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М.: МГУ, 1972. 321 с.
3. Бухтиярова С.А. Ядерные и периферические гештальткомплексы личностных подструктур и их детерминантов в семантическом макрополе успешности личностно-ориентированного общения // Современная психолингвистика. Сборник научных трудов. М.: МГОУ, 2010. С. 3-9.
4. Гройсман А.Л. Клиническая психология, психосоматика и психопрофилактика. Медицинская психология: Монография. М.: Магистр-Пресс, 2002. 452 с.
5. Гройсман А.Л., Рассохин А.В. Личностная саногенная рефлексия как метод трансперсональной психотехники актера // Личность. Творчество. Регуляция состояний. М.: Магистр, 1998. С. 424-431.
6. Краткий философский словарь // Под редакцией А.П. Алексеева. М.: Проспект, 1998. 400 с.
7. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Живой язык, 1998. 944 с.
8. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Наука, 1975. 211 с.
9. Прангишвили А.С. Установка как неосознаваемая основа психического отражения // Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования. Том IV. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 16-23.
10. Симонов П.В. О двух разновидностях неосознаваемого психического: под- и сверхсознании // Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования. /Под общей редакцией А.С. Прангишвили. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 149-159.
11. Толстой Л.Н. Война и мир. Том III, IV. М.: ЭКСМО, 2005. 927 с.
12. Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2010. 160 с.
13. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ и новый цикл // Перевод на русский язык М.В. Вульфа, Н.А. Алмаева. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. 607 с.
14. Фрейд З. Размышление о войне и смерти // Архетип. М., 1995. № 2. С. 17-25.
15. Фрейд З. Толкование сновидений. Ереван: Камар, 1991. 449 с.
16. Чалкова Е.Г. Основы иноязычной личностно-ориентированной фразеосемантики: Дисс... д-ра филол. наук. М., 1999. 330 с.